

УДК 81'42
ББК 81.001.2

ПРОБЛЕМА «ЖЕНСКОГО ПИСЬМА» В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ДИСКУРСА

С.Ю. Воробьева

В статье критически переосмысливается методология гендерных исследований, подробно рассматривается проблема атрибуции «женского письма», а также смежных с ним понятий «феминный дискурс» и «феминное письмо» в аспекте теории дискурса. Гендер трактуется как дискурсивное по своей природе явление, что позволяет провести границу между феминистскими и собственно гендерными исследовательскими технологиями.

Ключевые слова: гендер, дискурс, женское письмо, феминизм, феминное письмо, репрезентация, самоидентификация, ценность.

В современных исследованиях, ориентированных на проблему женского присутствия в культуре, зачастую наблюдается полное неразличение исследовательских технологий феминизма и гендера (см., например: [19; 24]). Следствием этого является переходящее из работы в работу и представляемое как аксиома утверждение, что гендерные исследования междисциплинарны по своей природе. На наш взгляд, гендер, трактуемый как междисциплинарная сфера, – методологический тупик. Исторически наследуя феминистской практике, гендерные исследования вычленяют свой собственный объект и предмет, преследуют собственные цели, требуя и собственной методологии.

Однако в научной литературе формируется опасная, на наш взгляд, тенденция – с помощью модного термина осовременивать научный дискурс, вливаясь в якобы новое, пер-

спективное научное направление. На деле наблюдается все тот же методологический разрыв, когда под одной «крышей» мирно сосуществуют разные отрасли гуманитарного и естественного знаний, представители которых привносят в проблемное поле «гендер» крупицы своего опыта, сетуя на временные методологические трудности и уповая, как правило, на «кросс-культурную» природу объединившего всех гендера. Поэтому сегодня не редки высказывания, взывающие как минимум недоумение: «Специфика МЦГИ (Московский центр гендерных исследований. – С. В.) как научной школы заключается в том, что его исследования нацелены не на изучение гендерной теории и методологии, а на их использование в процессе анализа актуальных социальных проблем российского общества» [8]. Остается только выяснить, как можно использовать на практике теорию и методологию, которая, по утверждению ведущих специалистов в этой области (см.: [15]), еще не сформирована.

В некоторых работах непреодолимая «междисциплинарность» гендера трактуется как проявление вовсе не его слабости, а его силы: за счет этого якобы «расширяются предметы исследования и исследовательские стратегии и практики» [23, с. 157]. Такого рода высказывания не столько говорят о попытке найти в сложившейся ситуации компромисс, сколько указывают на его фактическую невозможность.

Гендерными сегодня также принято считать многочисленные изыскания различного характера, основанные на половых различиях респондентов. Их основная цель – мониторинг тех или иных предпочтений как населения в целом, так и отдельных его групп по различным признакам, например возрастным, национальным, сословным, профессиональным и т. п. Называя их «гендерными», авторы публикаций проводят, по сути, полоролевые исследования, исходя из однозначной гендерной идентичности того или иного субъекта, обусловленной его половой принадлежностью, то есть фактически дублируя термин «пол». А. Усманова отмечает в связи с этим: «Трудно представить себе сегодня такую гуманитарную дисциплину, которая не подверглась бы пересмотру в свете современной концепции гендерных отношений (к сожалению, иногда это происходит как следствие «экономической рентабельности» феминистских идей, довольно часто – это вопрос денег и политического капитала для тех, кто использует феминистскую риторику)» [25, с. 221].

Ситуация принципиально меняется, если принять за исходный посыл *дискурсивный характер природы гендера*, очевидность которого вытекает из категориальной принадлежности гендера к полю культуры. В отличие от гендерных, феминистские исследования ориентированы на политическую сферу (поле власти). Опираясь на данность биологического пола, они оперируют категориями «женщина» и «мужчина», по сути не вдаваясь в своих классических формах во всю сложность антропологических нюансов, стоящих за ними, и не прибегая к дискурсу ни в его когнитивном, ни в его эстетическом аспекте.

В настоящий момент теория гендера в своем развитии достигла того уровня, который вполне позволяет ей дистанцироваться от

феминистских практик и заняться разработкой нового ракурса в аналитике культурного поля, понимаемого сегодня как текст, имеющий полидискурсивную природу. Такой подход позволит разграничить предметы анализа, сформировать собственный, аутентичный объект исследования и применить мощную методологическую базу постструктурализма и деконструктивизма к проявлениям феноменов «мужского» и «женского» через специфические особенности формируемых ими дискурсивных практик.

Отпочковавшись от феминизма, гендерные исследования заняты сегодня решением самой насущной для себя проблемы – проблемы собственной идентичности. Чем они являются? Модным исследовательским ракурсом, экспортированным на отечественный субстрат, или по-настоящему новой, перспективной научной областью? На что нацелены? На некий идеологический конструкт или попросту дублирующее категорию «пол» понятие?

Мы полагаем, что у гендера есть все основания претендовать на статус нового перспективного научного направления, способного кардинально изменить механизм восприятия мира и антропологический статус человека. Веским основанием для такого утверждения являются, на наш взгляд, следующие обстоятельства:

- наличие сформированной теоретико-философской базы, способной обеспечить разработку методологии гендера перспективными пролегоменами;
- настоятельная потребность в уточнении антропологической парадигмы современного научного знания;
- единство телеологической перспективы в развитии практик феминизма и постструктурализма – деконструктивизма;
- готовность общественного сознания к новому уровню толерантного восприятия «дружести» потенциального партнера по коммуникации.

Чтобы окончательно провести демаркационную линию между феминизмом и гендером, добавим, что анализ дискурса с точки зрения его гендерной соотнесенности может быть проведен и в рамках феминизма, но целевая установка такого исследования будет определена специфической: еще раз доказать угнетенное положение женщины по отношению к

полю власти [7; 14; 17]. Таким образом, своего рода брендовым отличием профеминистских исследований является последовательное игнорирование ими своеобразия феномена маскулинности, сведение его только к констатации функции угнетения и подавления феминного начала в поле власти. В силу этого профеминистские изыскания либо ограничиваются категориями «мужское» и «женское», либо используют их наряду с категориями «феминное» и «маскулинное», внося некоторую неразбериху в исследовательскую парадигму.

Наиболее продуктивными и действительно, а не номинально гендерными можно считать исследования, обращенные к анализу дискурсивных проявлений полоролевого сознания, что и является эксклюзивным предметом гендера. В таких исследованиях сам материал не связывается напрямую с биологическим полом его создателя или его реципиента, а соотнесен исключительно со стереотипами, получившими отражение в текстах культуры и ее языке.

В силу этого особый интерес для гендерных исследований будут представлять собственно литературные, или художественные, тексты, репрезентативные именно в аспекте закрепления, сохранения и деконструкции сложившихся в общественном сознании стереотипов самого разнообразного спектра, в том числе и гендерных.

Именно в литературе, как искусстве слова, веками кристаллизовались все возможные дискурсивные стратегии и тактики проявления субъектности, но в силу того, что по той или иной причине поле власти в обозримом историческом прошлом принадлежало мужчине, то и характер традиционного культурного текста в целом складывался как полидискурсивный, имеющий, однако, единственный объединяющий признак – принадлежность автора к мужскому полу.

Процесс активного отпочкования гендерных механизмов от призрака жесткой половой детерминации предмета исследования очевиден в науке последних десятилетий.

В этом направлении многое уже сделано. Трактовка гендера как дискурсивного по своей природе феномена встречается в трудах, основанных на таких методологических концепциях, как психоанализ, постструктура-

лизм и деконструктивизм, экзистенциализм и феноменология (см.: [28; 29; 33; 35; 36]). Наиболее последовательными и методологически ценными в этом направлении стали работы К. Клемен, Э. Сиксу, Л. Иригарэ, Р. Брайдотти. Оставаясь в рамках феминистской идеологии и риторики, авторы косвенно, а подчас и прямо апеллируют к различным типам дискурсивных практик как отражению специфической женской субъектности, атрибутируемой ими как структура. В интерпретации Э. Сиксу и К. Клеман [31] она предстает внутренне раздвоенной, нестабильной, но эти черты, традиционно соотносимые с негативной характеристикой «истерика», подвергаются аксиологической реабилитации, по сути основанной на деконструкции традиционной (патриархатной) системы ценностей, и трактуются как естественное и позитивное начало в общей топологии женской идентичности.

Эти идеи получили развитие в книге Л. Иригарэ «Пол, который таковым не является» [34], где категория истерии, лишенная репрессивной негативной оценочности, определяется как специфическая форма женской активности, соотнесенной с децентрированной женской субъектностью и артикулируемым ею особым, «телесным» типом дискурса. Главное его отличие от традиционного дискурса, порожденного мужским сознанием, мужской субъектностью, имеющей, по мнению Л. Иригарэ, универсалистский характер (унифицирующий, иерархизирующий, систематизирующий, подчиняющий, бинарно дихотомичный), определяется такой его характеристикой, как множественность. Для обозначения указанной специфики феминного дискурса в работах Р. Брайдотти, одной из самых известных европейских феминисток новой волны (постфеминисток), используется понятие «номадическая субъективность» (от греч. *nomás* – кочевник). В интерпретации исследовательницы оно означает пересечение и синтез различных субъективных опытов и идентичностей, находящихся в процессе становления «женщины всех женщин», совершающих переход от расщепленности и множественности к единству всего женского в культуре [27]. Телеологически это предполагает кардинальное изменение традиционной онтологии, основанное на перераспределении власти через механизмы концептуализации культурного поля, формирование новой, «женской», аксиологии.

Данная установка отражает идеологическую двойственность исследовательской позиции Р. Брайдотти: с одной стороны, она обращается к выявлению женского присутствия в тексте через анализ специфических дискурсивных приемов, что по природе своей уже принадлежит гендерной сфере, а с другой – остается в рамках радикального феминизма, утопически полагая, что акт подмены «мужской» культурной парадигмы «женской» приведет к гармонизации социума. Автор, в частности, пишет: «Феминистские идеи – это траектории мысли, разрабатывающие маршруты полета к невозможным горизонтам», «это проект, предполагающий трансформацию самого акта мышления, его структурных рамок, а не только его образов и содержания», «это импульсы, вызывающие к жизни новые, альтернативные способы конструирования женского субъекта» [3]. Антитетичность мышления Р. Брайдотти, проявляющаяся в установке на «сопротивление иерархии», по сути, репрезентирует маскулинный тип сознания. В таком случае феминизм попадает в ловушку бинарных оппозиций и начинает функционировать как часть патриархальной культуры, демонстрируя сложность преодоления традиционных эпистем.

В противовес этому Дж. Батлер, ориентированная в большей степени на современные философские тенденции, рассматривает практику феминизма сквозь их призму, стремясь таким образом дистанцироваться от него. Она считает его продолжением исходного противопоставления мужского и женского и настаивает на дискурсивной природе гендера, который, по ее мнению, производит и учреждает «сексуальную природу» или «естественный пол», наделяя их статусом «дискурсивного», предшествующего культуре политически нейтрального фона. Гендер, по определению Дж. Батлер, – «флуктуационная переменная, которая меняет свое значение» [1, с. 305]. Перформативность гендера, понимаемая в традиции аналитической философии, также обусловлена дискурсивным характером его природы, так как в акте говорения объединяются действие, артикуляция и смысл.

Таким образом, философскую базу гендерных исследований составляют несколько источников, имеющих существенные переклички и пересечения в трактовке женской

инаковости и вкуче создающие, на наш взгляд, вполне завершённую и внутренне непротиворечивую концепцию формирования и бытования женской субъектности в виде особой дискурсивной практики, специфическим образом проявляющей себя в поле традиционной культуры.

Феминизм констатировал отсутствие в тексте культуры женской субъектности, по крайней мере, наравне с мужской субъектностью, признав, по сути, что никакие права, закрепленные в законодательных актах власти, не способны эмансипировать женщину, добровольно или неосознанно остающуюся в рамках традиционной патриархальной культуры. Ее социальное тело есть тело дискурсивное, которое ей необходимо обрести вопреки довлеющим стереотипам фаллоцентризма. Именно поэтому Э. Сиксу страстно призывает современниц: говорите! Ибо женщина должна писать самое себя: «должна писать о женщинах и привлечь женщин к процессу писания, от которого они были отторгнуты так же жестоко, как от собственного тела, по тем же причинам, с помощью тех же законов и с той же фатальной целью. Женщина должна вложить себя в текст – как в сущий мир и в человеческую историю – совершив самостоятельное движение» [21, с. 801]. Эти слова были написаны в 1972 г. в эссе «Хохот медузы». В этом же году вышла еще одна работа Э. Сиксу в соавторстве с К. Клеман «Вновь рожденная» [31], где предпринята попытка очертить феномен «женского письма», охарактеризовав его как дискурс, обладающий чертами, принципиально отличающими его от фаллократичного, маскулинного, сформированного в рамках патриархальной культуры:

1) децентрированный относительно традиционного, патриархального, то есть вскрывающий внутренние противоречия природы последнего и именно таким образом утверждающий новую (женскую) субъектность;

2) игнорирующий систему традиционных бинарных оппозиций активность/пассивность, культура/природа, интеллект/чувственность, отец/мать и т. п. в оценке мира и человека, а следовательно, в рамках традиционных эпистем «не имеющий смысла», «непознавательный»;

3) стирающий грань между языком и речью, между хаосом и порядком, неиерар-

хизированный поток – «дыхание тела», прописанное белыми чернилами, которые проступают сквозь текст патриархатной культуры и требующей особой активности Другого;

4) неначинающийся и некончающийся, но длящийся и потому существующий, не стремящийся к разрешению конфликта, к детерминации и «завершению» объекта, к пониманию и нахождению истины: «женское телесное письмо может иметь двадцать или тридцать зачинов, оно начинается отовсюду» [22, с. 34];

5) ускользящий от привычного строя речи, апеллирующий к досоциальным и даже доязыковым ценностям и смыслам;

6) бисексуальный, то есть в одинаковой степени принадлежащий и мужчине, и женщине, присутствие которых ощутимо в нем на равных, что усиливает наслаждение от текста.

Э. Сиксу, формулируя свою концепцию, сама прибегает к описанным дискурсивным приемам и тактикам, погружаясь подчас в стихию иносказательности и метафоризации, стремясь преодолеть логоцентризм научной речи. В ее работах обоснован еще один принципиально важный в методологическом плане тезис: «Невозможно определить женскую практику письма, всегда будет невозможно, поскольку эта практика не может подвергнуться теоретизированию, классификации, кодированию – что вовсе не означает, что она не существует. Она всегда будет превосходить дискурсы, регулируемые фаллоцентрической системой, она занимает и будет занимать другие пространства, не те, что подчинены философско-теоретической субординации. Женское письмо будет доступно лишь тем, кто разрушает автоматизм, тем, кто находится на периферии, и кто не поклоняется никакой власти» [22, с. 809]. Однако этот тезис содержит значимое, на наш взгляд, противоречие, которое вполне разрешимо, если оценивать его с позиций нелинейной логики. Женское письмо существует, но занимает особое пространство, доступное лишь деавтоматизированному, децентрированному и неиерархизированному восприятию, что порождает принципиально важные вопросы: где находится это пространство функционирования женского письма и кто его реальные и потенциальные потребители?

Теоретически ответ на эти вопросы был обоснован в трактате Ж. Бодрийяра «Со-

блазн». Развивая идею «до-социального», «параллельного» традиционной культуре пространства, философ также обращается к ритуальным и церемониальным практикам, которые, по его мнению, отнесены к архаичным и примитивным только благодаря высокомерию культурных и цивилизационных стереотипов. «Женское» также репрессировано властью и представлено как конструкт той же культуры, которая вытеснила из него его же сущность и заместила ее своими сконструированными симулятивными образами-означающими: «все женское абсорбировано мужским» [2, с. 33]. Истинную женственность Ж. Бодрийяр видит «за рамками оппозиции мужское/женское», которую считает «мужской по существу, сексуальной по назначению, не допускающей ни малейшего нарушения, поскольку в таком случае она просто прекращает свое существование» [там же, с. 34].

Для обозначения специфики «женского» письма Л. Иригарэ вводит понятие «вагинального символизма», который, в отличие от «символизма фаллического» Ж. Деррида, определяется множественностью, децентрированностью, диффузностью значений и синтаксической структуры, так как основан на отношении не идентичности, а длительности, механизм действия которого не подчиняется логическому закону непротиворечивости. В такого рода текстах определяющим критерием оказывается чувственность, проступающая прежде всего через настроение и ритм. Примером такого рода текста, «где теория женского языка находит непосредственное выражение в практике перформативного письма», может служить статья самой Л. Иригарэ с показательным названием «Когда наши губы говорят сомкнутыми», где автор стремится убедить свою читательницу в том, что женское «все», зарытое в теле женщины, может быть проявлено и выражено через новый язык – язык тела. Именно он и станет «местом начала новой истории» (цит. по: [4, с. 191]).

Само понятие «женственность» и «женское» в данном случае нуждается в комментарии. Так, Э. Сиксу, говоря о «женском письме», имеет в виду все же некое идеальное единство пола и гендера, то есть некую женщину в прямом, биологическом смысле слова,

совершающую акт особого, специфического «женского» письма, которое правильнее, на наш взгляд, было бы назвать «феминное». Характер призыва Э. Сиксу имеет, таким образом, пока еще феминистскую природу, но ее обращение к выявлению специфики дискурсивного порядка уже «повернуто лицом» к гендеру. Ж. Бодрийяр окончательно дистанцирует «женское» от биологического пола и сексуальности и оперирует им исключительно в значении «феминное», то есть не-мужское и не-женское, а создающее другую реальность – реальность соблазна. Трудно сказать, почему он не использует понятие «феминность», которое Ж. Деррида ввел в обиход еще в 1978 г. [10, с. 125]. Нет его и в работах М. Фуко, несомненно продуктивных для методологии гендера.

В определении М. Фуко, автор – создатель дискурса, причем дискурса принципиально инновационного, новаторского, способного активно функционировать в социальном пространстве, то есть определенным образом позиционировать себя по отношению к полю власти. Особым статусом, согласно М. Фуко, обладают авторы, находящиеся в транс-дискурсивной позиции: способные создать не просто текст или произведение, а саму возможность и правила образования других текстов – «установить некую бесконечную возможность дискурсов» [26, с. 30].

В связи с этим неизбежно возникают вопросы: способны ли авторы-женщины занять подобную транс-дискурсивную позицию? способно ли гендерно ориентированное сознание автора-женщины, репрессированное всей предшествующей традицией языка и культуры, породить новые правила, новую «бесконечную возможность дискурсов»? Именно эти вопросы – краеугольный камень феминистки ориентированной критики, которая позиционирует себя как альтернативу традиции, в коей видит только проявление патриархатного сознания. Характеризуя особый статус авторов-«учредителей дискурсивности», М. Фуко отмечает, что их функция определяется не только тем, что они открыли некоторое число новых аналогий, но и сделали возможным некоторое число *различий*, то есть сформировали новую структуру, предполагающую набор *различающихся* и иерархизированных признаков. Если предположить, что наличие значительного перечня психофизиологических

и социальных различий между представителями противоположных полов может трактоваться как вполне весомое основание для существования гендерно ориентированных видов дискурса, то все сказанное М. Фуко об «учредителях дискурсивности» далее теоретически вполне соответствует процессам, о которых сегодня активно говорит феминистская критика. С различной степенью метафоричности она сравнивает «женский» дискурс с «всплывающей Атлантидой» [7], «полетом к невозможным горизонтам» [27], «зазеркальем» [20]. Эти образы, не претендуя на строгую научность и терминологический статус, тем не менее указывают на принципиально важное качество процесса, гипотетически называемого «женским дискурсом», как своего рода попытки восстановить утраченную некогда целостность, вернуться к тому, что вытеснено из общественного сознания, но напоминает о себе лишь зияющими пустотами, отражением в разбитом зеркале: «происходит возвращение к самому тексту – к тексту в буквальном смысле, но в то же время, однако, и к тому, что в тексте маркировано пустотами, отсутствием, пробелом. Происходит возвращение к некоей пустоте, о которой забвение умолчало или которую оно замаскировало, которую оно покрыло ложной и дурной полнотой, и возвращение должно заново обнаружить и этот пробел, и эту нехватку» [26, с. 35].

Под «женским дискурсом» мы понимаем ту гипотетически возможную форму объективации содержания сознания, которая регулируется *недоминирующим* в существующей социокультурной традиции типом рациональности, тем типом, который, латентно присутствуя в культуре, может быть пока лишь реконструирован. Строго говоря, ни одно из употребляемых сегодня в научном обиходе определений дискурса неприменимо по отношению «женскому дискурсу». Так, предложенная Ю. Хабермасом трактовка дискурса как «рефлексивной речевой коммуникации, при которой важен процесс проговаривания всех ее аспектов, значимых для участников коммуникации» [12], предполагает для женской субъектности как минимум статус участника этого общения, сводимого в реальности, последовательно игнорирующей женскую субъектность в культуре, только к бытовой коммуникации.

Интерпретация дискурса Э. Бенвенистом как «речи, присвоенной говорящим» тоже неприменима, так как женщина неизбежно «присваивает» речь, обеспеченную патриархатным типом дискурса, номинированного как общечеловеческий.

М. Фуко, называя дискурс предметом «археологии знания», ограниченным набором текстов, регламентированным субъектом, некоей практикой, которую мы навязываем внешней по отношению к дискурсу предметности [26, с. 18], соотносит его с репрезентацией поля власти, традиционно игнорирующей феминную составляющую. Следовательно, то, что условно может быть названо «женский дискурс», может быть представлено в этой репрезентации только как своего рода фигура умолчания, как контрстратегия и контртактика, которые тем не менее могут быть восприняты и семиотизированы [5; 6].

Разработка приемов фиксации и семиотизации гендерного «присутствия» пишущего субъекта в тексте культуры – насущная задача гендерной теории и методологии. Практическая же задача гендерных исследований состоит в выявлении и описании фактов присутствия женской субъектности в тексте культуры в различных формах дискурсивных практик, отражающих особую аксиологию, на основе которой возможна дальнейшая реконструкция иного образа мира – его феминной картины, которая наряду с традиционной даст ту необходимую коррекцию существующей антропологической парадигме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Батлер, Д. Гендерное беспокойство / Д. Батлер // Антология гендерной теории. – Минск : Пропилеи, 2000. – С. 297–346.
2. Бодрийяр, Ж. Соблазн / Ж. Бодрийяр. – М. : Ad Marginem, 2001. – 317 с.
3. Брайдотти, Р. Женские исследования и политики различия / Р. Брайдотти // Введение в гендерные исследования. В 2 ч. Ч. 2. Хрестоматия / под ред. С. В. Жеребкина. – Харьков : ХЦГИ ; СПб. : Алетейя, 2001. – С. 13–22.
4. Брандт, Г. А. Современный феминизм: перелом в историко-философской антропологической традиции Западной Европы / Г. А. Брандт // Адам и Ева. Альманах гендерной истории / под ред. Л. П. Репиной. – М. : ИВИ РАН, 2003. – № 6. – С. 148–198.
5. Воробьева, С. Ю. Дискурсивные приемы иронической самоидентификации автора в современной женской прозе (на материале романа Г. Щеквиной «Графоманка») // Вестник ВолГУ. Сер. 2, Языкознание. – 2011. – № 1 (13). – С. 14–21.
6. Воробьева, С. Ю. Речевая репрезентация внешнего и внутреннего мира современной женщины / С. Ю. Воробьева // Вестник ВолГУ. Сер. 2, Языкознание. – 2012. – № 1 (15). – С. 31–39.
7. Габриэлян, Н. М. Всплывающая Атлантида (медитация на тему феминизма) / Н. М. Габриэлян // Общественные науки и современность. – 1993. – № 6. – С. 171–176.
8. Гендер как инструмент познания и преобразования общества: на пороге новых свершений. МЦГИ отметил свое 15-летие. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.gender.ru/pages/resources/publications/common/2006/01/01.php?from=anons>. – Загл. с экрана.
9. Горошко, Е. Гендерная проблематика в языкознании. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.owl.ru/win/books/articles/goroshko.htm>. – Загл. с экрана.
10. Деррида, Ж. Шпоры: стили Ницше / Ж. Деррида // Философские науки. – 1991. – № 2. – С. 118–142.
11. Деррида, Ж. Шпоры: стили Ницше / Ж. Деррида // Философские науки. – 1991. – № 3. – С. 114–129.
12. Дискурс // История философии. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/history_of_philosoph/173%D0%94%D0%98%D0%A1%D0%9A%D0%A3%D0%A0%D0%A1. – Загл. с экрана.
13. Жеребкина, И. «Прочти мое желание...». Постмодернизм. Психоанализ. Феминизм / И. Жеребкина. – М. : Идея-Пресс, 2000. – С. 152–153.
14. Здравомыслова, Е. Введение: феминистский перевод: текст, автор, дискурс / Е. Здравомыслова, А. Темкина // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы / под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2000. – 300 с.
15. Кирилина, А. В. Гендер: лингвистические аспекты / А. В. Кирилина. – М. : Ин-т социол. РАН, 1999. – 189 с.
16. Костикова, А. Гендерная философия и феминизм: история и теория / А. Костикова. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://humanities.edu.ru/db/msg/58753>. – Загл. с экрана.
17. Малаховская, А. А. Гендерная политика и сказки / А. А. Малаховская // Гендерные исследования / ХЦГИ. – 2010. – № 20/21. – С. 206–227.
18. Нохлин, Л. Почему не было великих художниц? / Л. Нохлин. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://artaktivist.org/pochemu-ne-bylo-velikix-xudozhnic-chast-1/>. – Загл. с экрана.

19. Ожигова, Л. Н. Методологические проблемы изучения кризиса гендерной идентичности личности / Л. Н. Ожигова // Гендер как инструмент познания и преобразования общества. – М. : РОО МЦГИ : Солтен. – 2005. – С. 134–142.
20. Савкина, И. Зеркало треснуло / И. Савкина // Гендерные исследования. – 2003. – № 9. – С. 84–106.
21. Сиксу, Э. Хохот Медузы / Э. Сиксу // Введение в гендерные исследования. В 2 ч. Ч. 2. – СПб. : Алетейя, 2001. – С. 799–821.
22. Сиксу, Э. La sexe ou la tete? (Женщина – тело – текст) / Э. Сиксу // Художественный журнал. – 1995. – № 6. – С. 32–35.
23. Тукачева, Ю. С. Социально-философская сущность гендера / Ю. С. Тукачева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. В 3 ч. Ч. 1. – Тамбов : Грамота, 2011. – С. 156–160.
24. Чикалова, И. Р. Женская и гендерная история: открытый проект / И. Р. Чикалова // Женщины в истории: возможность быть увиденными / гл. ред. И. Р. Чикалова. – Минск : Изд-во БГПУ, 2002. – Вып. 2. – С. 5–7.
25. Усманова, А. Беззащитная Венера: размышления о феминистской критике истории и теории искусства / А. Усманова. – Минск : АРСНЕ. – 1999. – С. 221–240.
26. Фуко, М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности / М. Фуко ; пер. с фр. С. Табачниковой ; под ред. А. Пузыря. – М. : Магистериум : Касталь, 1996. – 448 с.
27. Braidotti, R. A New Normadism / R. Braidotti // Patterns of Dissonance : A Study of Women in Contemporary Philosophy. – N. Y. : Cambridge : Polity Press, 1990. – P. 277–284.
28. Brennan, T. The Interpretation of the Flesh: Freud and Femininity / T. Brennan. – L. ; N. Y. : Routledge, 1992. – 266 p.
29. Chodorow, N. The Reproduction of Mothering. Psychoanalysis and the Sociology of Gender / N. Chodorow. – Los Angeles ; L. : University of California Press, 1978. – 263 p.
30. Cixous, H. Reader / H. Cixous ; ed. by S. Sellers. – L. ; N. Y. : Routledge, 1994. – 232 p.
31. Cixous, H. The Newly Born Woman / H. Cixous, C. Clement. – Minneapolis : University of Minnesota Press, 1986. – 168 p.
32. Feminine Sexuality : Jaques Lacan and the ecole freudienne / ed. by J. Mitchell, J. Rose. – N. Y. : Pantheon Books, 1982. – 188 p.
33. Gallop, J. The Ladies' Man / J. Gallop // The Daughter's Seduction: Feminism and Psychoanalysis. – Ithaca : Cornell University Press, 1982. – P. 33–42.
34. Irigaray, L. This Sex Which Is Not One / L. Irigaray. – Ithaca : Cornell University Press, 1985. – 223 p.
35. Kofman, S. The Enigma of Woman: Woman in Freud's Writings : A Collection of Essays on Sarah Kofman / S. Kofman ; ed. P. Deutscher, K. Oliver. – Ithaca : Cornell University Press, 1999. – 240 p.
36. Mitchell, J. Psychoanalysis and Feminism: Freud, Reich, Laing and Women / J. Mitchell. – N. Y. : Vintage Books, 1974. – 406 p.
37. Silverman, K. The Threshold of the Visible World / K. Silverman. – N. Y. ; L. : Routledge, 1996. – 264 p.
38. Weigel, S. Die Stimme der Medusa. Schreibweisen in der Gegenwartsliteratur von Frauen / S. Weigel. – Hamburg : Dürman-Hiddingsel, 1987. – 316 S.

THE PROBLEM OF “WOMEN’S WRITING” IN THE THEORY OF DISCOURSE CONTEXT

S. Yu. Vorobieva

The article critically reinterprets the gender research methodology, it also represents a detailed problematic analysis of the attribution of “women’s writing” and allied notions such as “feminine discourse” and “feminine writing” in terms of the theory of discourse. The notion of gender is understood as the one having a discursive basis, and thus it allows determining the boundaries between feminine and gender research technologies.

Key words: *gender, discourse, women’s writing, feminism, feminine writing, representation, identity, value.*